

Глава 44. В безопасности тайны и уединения.

В глазах Юаня Сюэланя было слишком много честности, и даже если бы Лю Сумэн хотел притвориться, что ослышался, он не смог бы. Поэтому он кивнул. Таинственный пузырь тепла внутри разлился, когда он направился, чтобы сесть рядом с Юанем Сюэланем. Может быть, он наконец-то почувствовал действие вина после того, как всю жизнь пил, слишком, много. Юань Сюэлань собрал свежие бинты, мазь, чистые тряпки и небольшое ведро теплой воды и поставил рядом с табуретками. Молодой заклинатель сел позади Лю Сумэна и потянулся, чтобы снять его мантию. Пальцы коснулись его шеи, лопатки и руки. Лю Сумэн подавил дрожь.

Шуршание ткани наполняло комнату, пока не стало оглушительным. Барабан сердца Лю Сумэна тоже становился невыносимо громким. Вода плескалась и капала. Юань Сюэлань отжал полотенце от излишков, прежде чем промыть раны Лю Сумэна. Они жгли, но не так сильно, как его сердце. Кончики его пальцев онемели.

Юань Сюэлань ничего не сказал. Он не стал комментировать, как старые раны на спине Лю Сумэна открылись заново. Не стал комментировать, как его кожа вспыхнула, разгневалась, покраснела и стала горячее на ощупь. Не прокомментировал, когда его пальцы прошли по шраму от ножевой раны, которую он получил от озера возле деревни Зу. Тот, который Лю Сумэн получил вместо Юаня Сюэланя.

Затем Юань Сюэлань вытер воду сухой тканью, прежде чем смог приступить к нанесению мази. Таким образом, ожоги не должны оставлять стойких следов.

Несмотря на то, что это был первый раз, когда Юань Сюэлань заботился о нем в гробовой тишине в этой жизни, у Лю Сумэна были воспоминания о том, как император делал то же самое. Император, который молча нацепил плети кнута на его спину. Император, который позаботился об уродливых порезах, оставленных обрывками веревки, и глубоком колодце синяков, которые когда-то покрывали его бедра и суставы...

«...» Лю Сумэн содрогнулся при этом воспоминании.

Свежие повязки ласкали его раны, и он дрожал, как осенний лист. Он заглянул за плечо, чтобы мельком увидеть спокойное, сосредоточенное лицо Юаня Сюэланя. «Он дуется», - понял Лю Сумэн. И Лю Сумэн, будучи таким же искусным в словах, каким он и был, просто сказал: «Сюэлань, не дуйся.»

Юань Сюэлань замер, а затем, прищурившись, посмотрел на Лю Сумэна: «Кто, черт возьми, сказал тебе, что я дуюсь?»

«Ты молчишь. Ты дуешься.»

Юань Сюэлань надул губы. Он определенно дулся.

Лю Сумэн улыбнулся своей неизменной нежной улыбкой, лишь слегка прищурив глаза, и на его левой щеке появилась ямочка, которая угрожала образоваться, но не появилась: «Ни в чем из этого нет твоей вины. Так что не грусти. Не падай духом.»

Тусклый свет был здесь, чтобы скрыть сильный румянец, вспыхнувший на лице Юаня Сюэланя. Он зашипел, как выброшенная на берег рыба: «Ты - я - не-! Это вовсе не...! Какого черта ты вообще говоришь, идиот!?»

Юань Сюэлань глубоко вздохнул и заставил себя успокоиться, прежде чем сказать что-нибудь,

что могло бы стереть улыбку с лица Сумэна. Он кашлянул, чтобы прочистить горло: «Ты говоришь много очень глупых вещей.»

«Я...»

Быстро Юань Сюэлань оборвал его, прежде чем с этих губ сорвалось извинение: «Примерно сейчас проходит Высший Охотничий Турнир. Ты мог бы быть там, понимаешь? Если бы ты не был так заинтересован в том, чтобы прийти сюда со мной, ты мог бы выиграть.» Он посмотрел Лю Сумэну прямо в глаза. Лю Сумэн любил эти глаза, темно-карие, мерцающие и пульсирующие всеми эмоциями Юаня Сюэланя: его гневом и радостью, а также печалью. Сюэлань продолжил: «Интересно, какой приз они вручают в этом году... В любом случае, я хочу сказать, что...ты мог бы заняться чем-то более интересным!»

Лю Сумэн подумал, что Сюэлань сейчас ведет себя очень мило. Он всегда был гораздо более уверен в Лю Сумэне, чем следовало бы: «Только третье место.» - сказал он, вспоминая события, которые разворачивались в прошлой жизни.

Но Юань Сюэлань не поверил ему и закатил глаза: «Скромность тебе не идет, Святой Меч из Слоновой кости.»

«Я не скромничаю.»

«Да, да, неважно. В любом случае, кыш!» Пренебрежительно махнув рукой, он сделал ему знак: «Уходи, я хочу лечь спать. Следующие несколько дней будут напряженными и раздражающими, поэтому я хочу хорошенько выспаться.»

Лю Сумэн послушно кивнул и отступил на свою сторону комнаты. Ночь была приветливой и спокойной.

На следующий день он остался один на один со своим одиночеством. Лю Сумэну не было места в похоронной процессии, он не имел никакого отношения к покойной Цао Хун. Хотя, похоже, его поздняя ночная пьянка с Пэн Чжугэном сработала. Пэн Цзипэю, по крайней мере, разрешили остаться на похороны матери, и Юаню Сюэланю не пришлось закатывать истерику.

«Тебе не обязательно оставаться», - сказал ему Юань Сюэлань утром, слегка нахмурившись.

Но Лю Сумэн покачал головой. Ему все еще нужно было кое-что сделать: «Я останусь. Мы уйдем вместе.»

Это был ответ, который Юань Сюэлань неохотно принял, но еще больше не хотел оспаривать.

И поэтому Лю Сумэн пошел и приготовил себе завтрак, чайник чая и даже провел некоторое время на улице, чтобы попрактиковаться в фехтовании.

«Ты будешь раздражать свои раны, глупый мальчик», - упрекнула Хо Тан, хотя казалось, что ей было весело кататься на его плече, пока он танцевал и кружился. Лю Сумэн проигнорировал ее, потому что никому не должен был объяснять, что для него это было исцелением.

Возможно, его раны могли бы запротестовать, но его разум и сердце почувствовали себя лучше. И когда он почувствовал себя спокойным, Лю Сумэн решил, что наконец-то пришло время хорошенько обыскать их комнату. Он опустился на колени, чтобы перевернуться и заглянуть в каждый укромный уголок и щель.

«Скажи, что ты намереваешься делать?» Хо Тан сидела, примостившись на одной из деревянных панелей, и наблюдала, как он шаркает по комнате со стороны Юаня Сюэланя. Он заглянул под стол, передвинул стойку, чтобы проверить рядом со стеной, а также кровать. Он пошарил за углами и засунул пальцы во все щели, которые смог найти.

«...Знак» был единственной подсказкой, которую он предложил растерянному и осуждающему фениксу, наблюдавшему за ним.

«И какого рода «знак» ты, возможно, ищешь? Такое впечатление, что ты ползаешь вокруг, как глупый невежественный ребенок»

«...» Он соизволил не ответить, к большому огорчению птицы. Юань Сюэлань не был неряшливым человеком, но и не был самым аккуратным. А это означало, что он не был так скрупулезен в уничтожении улики. Лю Сумэн искал что-то, что могло бы дать ключ к разгадке того, чем занимался мальчик, когда Лю Сумэн был занят, развлекая Пэн Чжугэня.

Поэтому он повторил все снова во второй раз, затем в третий, а на шестой его пальцы задели что-то острое, когда он нащупал трещины под кроватью. Вонзив ногти в крошечную щель, Лю Сумэн смог выловить сломанный наконечник гравировального инструмента. Темная энергия, хотя и ложная, все еще могла от нее отблескивать.

Хо Тан опустилась ему на плечо на своих крошечных крыльях. «Какая у тебя там любопытная штука. Похоже, кто-то закалял довольно испорченную и злую вещь в этой самой комнате.»

Лю Сумэн затаил дыхание: «Да.» Этот крошечный осколок металла мог быть как раз тем, что ему нужно, чтобы привязать Юаня Сюэланя к Кинжалу, Поедающему Органы.

В другом месте поместья, Цао Хун была одета в погребальные одежды. Впервые за время поездки Юаня Сюэланя она показалась ему умиротворенной. Они провели ее похороны в одном из учебных залов. Ее деревянный гроб стоял посреди комнаты, окруженный ее вещами и белыми цветами. Один за другим ее близкие приходили, чтобы попрощаться с ней. Людей было немного, большинство из них были Учениками Скрытого Ордена, которые знали ее, когда были моложе, с тех пор у нее не хватало сил, чтобы покинуть пределы своей кровати и улыбнуться молодым людям, которые усеивали залы.

Юань Сюэлань подумал, что, возможно, у него внутри должен был быть колодец печали, острая арка, которая придавила бы его после ее ухода. Но вместо этого его сердце было пусто.

И это совсем не означало, что он не любил ее и не заботился о ней. Однако его тетя всегда была болезненным и хрупким человеком, человеком, который страдал даже от дыхания. Когда он посмотрел на ее убитое смертью лицо, спокойствие не показалось ему таким ужасным.

Они стояли в очереди, чтобы попрощаться и предложить ей прощальные подарки, и по какой-то греховной причине мысли Юаня Сюэланя унеслись в другое место, пока он ждал своей очереди. Он подумал о слабом отблеске пламени свечи, освещавшем кожу Лю Сумэна, и о шершавой текстуре ожогов, которые он ощущал кончиками пальцев. То, как он подавлял свою дрожь и слабое мерцание демонической энергии, исходящей от кожи Святого Меча из Слоновой Кости.

Выражение лица Юаня Сюэланя потемнело. Ему предстояло провести еще одно расследование, а также подглядывать. Странная вспышка эмоций закружилась в нем. Медленно, но верно он чувствовал, что начинает понимать тихого и элегантного Святого Меча из Слоновой Кости. Вот почему он сдерживал свою ярость, проявлял большое искусство, даже

сам Юань Сюэлань не знал, что он способен на такое.

Юань Сюэлань смирился с мыслью, что есть много вещей, которые он хотел бы преодолеть или сделать для Лю Сумэна. Похожий на Чэнь Аньюэ. Но Чэнь Аньюэ не заставляла его сердце кувиркаться и не заставляла его метаться, как птенца. Чэнь Аньюэ не заставляла его живот вспыхивать от неизвестного ожога, не пронзала его эмоциями, которые он не мог понять, и не преследовала его во сне.

Он сделал вдох и выдохнул. Настала его очередь попроситься с Цао Хун. Он отбросил свои беспокойные мысли в сторону и подошел к ней. Но яркий свет привлек его внимание, и он увидел маленький серебряный колокольчик, обвязанный вокруг ее запястья. Острое чувство знакомого поразило его, но по какой-то причине точное воспоминание не могло быть восстановлено.

Что - то промелькнуло в его голове, затуманилось. Это сопровождалось головной болью, такой же громкой, как у трубящих слонов.

Юань Сюэлань сжал челюсти и покачал головой, но его мысли не могли проясниться, и он остался размышлять над загадкой, которую невозможно разгадать.

Он посмотрел на лицо Цао Хун, серый оттенок смерти запечатлел последний момент покоя. «Прости, тетя, - сказал он этому трупу, - Прости, что я не смог прийти к тебе раньше.»

Но мертвым было наплевать на извинения, и она лежала там каменная и холодная. Холодок медленно пробежал по его спине, и впервые Юань Сюэлань почувствовал, как по его телу пробежала грызущая печаль. Только после того, как он покинул зал, после того, как он сказал пустые слова ободрения Пэн Цзипэю и ученикам, имена которых он даже не мог назвать, ропот перерос в громкий всеохватывающий рев.

Юань Сюэлань убежал в дальний конец двора и спрятался в месте соединения каменной стены с насыпью камней, тщательно уложенной, чтобы имитировать природу. И там было тихо, потому что это было тайное место, которое он когда-то знал, когда был ребенком. И в безопасности тайны и одиночества Юань Сюэлань наконец-то заплакал.

Читайте на 50% дешевле <https://mirnovel.ru/book/139>

<http://bllate.org/book/14171/1247800>